

Если в дверь позвонит премьер

Что-то мало счастья и в столицах, и в провинции

Про писателя Нину ГОРЛАНОВУ говорят, что в ее книгах — лицо Перми, где она живет. Материал для нее — обыденность, байки, сор житейских мелочей, и пишет она, кажется, обо всем, что попадает в поле ее зрения. Прежде всего это семья (где четверо детей и муж, тоже писатель), друзья, знакомые, но, разрастаясь, домашнее гнездовье включает в себя и улицы, город, страну...

— Как-то по телевизору выступает премьер Касьянов. Говорит: «Три года прошло после дефолта. И мы полностью преодолели его последствия». Я начинаю бегать по комнате и кричать: «Кто преодолел? Мы с каждым днем живем все хуже и хуже! Кто что преодолел?» Муж остановил меня, слава богу: «Но для себя-то они преодолели». Если «для себя», соображаю, то конечно.

Я с ужасом понимаю, что снова живем в противостоянии: они и мы. Только раньше оно, это противостояние, было политическое, а теперь экономическое. Тому, кто не «они», в нашей стране очень трудно. Моя старшая дочь полгода назад родила ребенка, сидит дома. На мать с дитем платят 160 рублей. Ее муж зарабатывает две тысячи. На эти деньги они должны питаться, покупать памперсы, платить за квартиру, одеваться. У меня разрывается сердце — со своими 1200 рэ я тоже не помощник. Начинаю им говорить о чистой совести, мол, «кто не ворует — тому Бог помогает». Хотя про себя думаю, что завтра будет и того хуже: цены взлетят, коммунальная реформа, еще что-нибудь. Мы все каждый день ждем плохого. Сейчас среди причин смертности самоубийства в Перми вышли на третье место. Отчаяние — плохой советчик в жизни. В то же время Пермь занимает третье место в России по количеству миллионеров. Совпадение случайно или нет?

Все мои знакомые работают на нескольких работах: большинство — на трех, одна — на четырех, один — на семи. Но вот подруга ушла из частной аптеки, где ей хорошо платили. Потому что там приходилось работать на износ, ни на что больше времени не оставалось — она не чувствовала себя человеком. Интеллигенция — бывшие инженеры, врачи, доценты — теперь на рынке. Многие приобрели машины, питаются хорошо. Но очень недовольны. Жалуются: те прежние 300 рублей зарплаты давались без унижения, а сейчас надо заискивать перед милицией, «крышей», властями. Да и сама по себе торговля — риск и надсада. Я осенью ехала из Москвы рядом с одной «челночницей». У нее случилась почечная колика. Мы не смогли снять приступ. И она вышла на своей станции, таща эти огромные сумки, которые ни за что не бросит. А почку потерять — может.

То есть сейчас люди — как инструменты, вещи. Возвращаемся к тому, от чего ушли, только по другим параметрам. Писателей раньше не печатали, так как не нужна была правда. Теперь я вроде бы выиграла, могу печататься. Но что толку, если многие люди не могут покупать книги. Библиотеки — тоже. Я и сама не могу. Социализм был враждебен тем, что лишал личность свободы. Капитализм враждебен человеческой душе.

Иногда задаю себе вопрос: в каком виде при нашем капитализме у человека есть Родина? Когда пошла приватизация, моя статья в «Независимой газете» так и называлась: «Ваучер — это часть моей Родины». Но соседи по коммунальной квартире свои ваучеры тут же продали и пропили, дивиденды у них появились в виде синяков — налицо. Мы три дня вызывали то милицию, то «скорую». И я поняла, что примерно то же будет везде.

А потом я стала наблюдать, как вокруг меня нарастает какой-то средний класс. Психологическая картина какая? В первые месяцы, когда к людям приходят большие деньги, они помогают. Радостные, на подъеме. Один знакомый в этот момент подарил мне мешок супов-концентратов, и я их делила по десятку между такими же, как я. Но как только они купят машину, от них не увидишь ни копейки, а их самих — лишь во сне. Потому что потребности у них — бесконечность! И машину надо постоянно менять. Мне объяснил один из них: на какой машине приедешь к властям, так и решится вопрос. После дефолта некоторые обеднели и — о, чудо! — снова появились в моем доме. Но — опять стали подниматься, и опять я их не вижу. Все происходит по схеме: человеческие качества отрываются где-то на уровне покупки машины.

Однажды мне пришлось побывать среди богатых. Это когда я выиграла Международный конкурс женской прозы (новелла «Любовь в резиновых перчатках»,

опубликованная в «Новом мире». — Л.К.) и меня как достопримечательность пригласили на пермский новогодний «Огонек». Я попала за один столик с «тузами». Для них я словно не существовала. Но и они мне были неинтересны. Среди них находилась дама — директор банка, которая в тот день поскользнулась, упала и ушибла палец. Так вот: весь вечер они веселились на тему, почему под нее в момент падения не лег охранник.

Я не против богатых. Но и не жду, что какой-то щедрый дядя мне поможет. Почему богатые не делятся с другими? — спрашиваю я себя. Почему всё вывозят из страны? Вывозят не потому, что налоги большие или законы плохие, и не из жадности только. Работает архетип «Сокровище» — скрыть, сокрыть и получить мистически силу — на подсознательном уровне. Как Скупой у Пушкина.

А счастья нет и у богатых — как нет его по определению («мир сей грешен»). У каждого свои заморочки. «Новые русские» побросали своих жен, ушли к молодым. Как-то я случайно оказалась на юбилее в богатом доме. Там два процветающих коммерсанта обращались со своими молодыми женами только так: «Домохозяйки, цыц! Чего вы тут еще возникаете!» Мне стало их жалко. И они же, бедолаги, совсем не умеют расслабляться. Мой преуспевающий старый друг напился и разоткровенничался. «Если печень заболела, — говорит, — то, чувст-

Александр КОРОЛЬКОВ

вую, надо заняться аптекарским бизнесом». Начал — получилось. Потом еще что-то заболело — другим занялся. Это как у первобытных племен. Зачесалось у охотника сзади — нужно разворачиваться и бежать за добычей туда. Зачесался лоб — рви вперед. Так и у бизнесменов. Они сами рассказывают, что у них в голове все время шелкают цифры, днем и ночью в мыслях происходит этот процесс продажи, подсчетов, расчетов.

Хорошо это или плохо? Люди сами делают свой выбор. В конце концов приходят к тому, в чем ощущают себя комфортно. Другое дело, что не оглядываются вокруг и думают только о себе.

Летом я ездила на свою родину, в маленький поселок Верхний Юг. Там это противостояние богатых и бедных еще страшнее. Все друг о друге все знают: кто украл, что, у кого. Мои бывшие одноклассницы переходят на другую сторону улицы, когда издалека видят того, кто нахал. Ненависть клубится в воздухе такими густыми туманными образованиями. Это жутко — столько озлобленности. Нервы горят у людей.

Власть для того и нужна, чтобы смягчать нравы. Какими-то действиями сокращать этот разрыв. И СМИ, особенно телевидению, надо чувствовать свою ответственность за состояние нравов. Сейчас именно журналисты, а не писатели задают общественное настроение. Царь Александр II, подписывая Указ об отмене крепостного права, просил передать Тургеневу, что решающее влияние на этот его шаг оказали «Записки охотника». У нас же рекламный канал заколебал страну, где половина людей живет на уровне бедности, продажей бриллиантов за 386 у.е. и выше.

...Вот опять кто-то из соседей звонит в дверь. Наверное, занять пятерку на хлеб. Больше не попросят — знают, что я тоже беднота. Никогда так много не ходило, как в этот месяц, — край какой-то. Так что не помочь невозможно, хотя сама потом пойду заниматься.

А если бы однажды позвонил в мою дверь Касьянов? Ну, пусть не в мою — соседей. Или еще чью-то, кто не богат, как «они». И посмотрел, как мы живем. Думаю, ему бы расхотелось раздражать народ своими заявлениями, что «последствия дефолта полностью преодолены».

Записала
Людмила КАРГОПОЛЬЦЕВА
Пермь